

МОСТЫ

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

9

1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦЕНТРАЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭМИГРАНТОВ ИЗ ССРС (ЦОПЭ)

Переписка И. С. Шмелева и Томаса Манна

ПУБЛИКАЦИЯ Ю. А. КУТЫРИНОЙ

Томас Манн в течение многих лет был в переписке с И. С. Шмелевым. Лично они познакомились в Париже, в моей более чем скромной квартире на улице Шевер, против дворца Инвалидов и гробницы Наполеона I, весной 1924 года. Выехав из России в январе 1923 года, Иван Сергеевич и Ольга Александровна Шмелевы жили у меня, их племянницы, уже целый год.

Томас Манн так описывает это свое посещение в воспоминаниях о парижских встречах (в журнале „Die Neue Rundschau“, 1924):

«Мы направляемся к Ивану Шмелеву, русскому писателю и страдальцу, написавшему «Солнце мертвых», этот кошмарный, но окутанный поэтическим блеском документ той эпохи, когда красные благодетели «вымели Крым железной метлой».

Из пышного парижского отеля с паркетом, устланным пушистыми коврами, попадаем в самую крайнюю нужду, в жилище «бедных людей» на улице Шевер, — три комнаты с кухней, дышащие убожеством, скудостью...

Я потрясен, сижу у импровизированного рабочего стола и смотрю на изборожденное морщинами, измученное лицо с седой бородой; в него глубоко врезались те ужасы, о которых можно прочесть в романе «Солнце мертвых», если на то хватит смелости. Смотрю на это лицо, — оно принадлежит пятидесятилетнему, но выглядит на пятнадцать лет старше.

Мое потрясение переходит в стыд, когда он говорит, что меня, своего сверстника, он находит молодым и сильным.

В нем есть что-то возбужденное и даже страшное.

Его книга. Я восхищаюсь ею; он дарит мне ее. Взволнованно и медленно он вписывает в нее то, что ловкий и изворотливый язык Запада ему подсказывает, — что-то о *grande admiration* и *les plus sinceres sentiments*, и свое имя по-французски.

Не приходится говорить о том, что должны были перенести эти люди физически; какие ужасы они видели своими глазами. Но последним состраданием, последним благоговением пронизывает нас лишь представление об их идейном бедствии, о том дьявольском уничтожении и искоренении революционного идеализма, которым преисполнен был каждый мыслящий русский и который был затоптан в грязь переживанием бесчеловечно-скотской действительности. Невозможно отделаться от горчайшего скептицизма, от кровавой насмешки над *febris revolutions* молокососов, которая сказывается на некоторых страницах «Солнца мертвых»...

Томас Манн прислал И. С. Шмелеву свой портрет с надписью: «Ивану Шмелеву с выражением моего высокого уважения и восхищения». Иван Сергеевич посылает ему в ответ свою «Неупиваемую чашу».

Томас Манн пишет по поводу присылки книги:

Ароза, Вальдсанаториум.
26. 5. 26.

Глубокоуважаемый господин Шмелев,

Сердечно благодарю за присылку Вашего прекрасного произведения «Неупиваемая чаша», чтение которого восполнило для меня самым благоприятным образом Ваш портрет, как поэта.

Я, как и моя жена, глубоко взволнован чистотой и грустью Вашего произведения, которое хоть и малó по своему размеру, но так богато по содержанию и как в любви, так и в гневе находится на высоте русского эпоса, оставаясь в то же время глубоко личным произведением. Что меня больше всего тронуло — это Ваше чувство к благородству искусства, которое выражено трогательно и проникновенно.

Надеюсь, что Вам, как и Вашей семье, благоприятствует хорошая погода на берегу моря.

Я приехал сюда с моей женой, которой немного нездоровилось, но ей теперь, к счастью, лучше. Мы часто с удовольствием вспоминаем о нашем свидании с Вами. Я говорю об этом с чувством большой симпатии в моей маленькой книжке, в которой рассказываю моим соотечественникам о моих впечатлениях в Париже во время пребывания там в январе.

Примите уверения в моем чувстве дружбы и глубокого уважения к Вам.

Томас Манн.*)

В 1928 году И. С. Шмелев обратился к Томасу Манну с откры-

---

*) Письма Т. Манна, публикуемые здесь, написаны по-немецки, но посылались одновременно с переводом на русский язык свояченицы Т. Манна Кэте Розенберг, которая перевела на немецкий ряд произведений И. С. Шмелева. (Ред.)

тым письмом по поводу распродажи в Берлине русских художественных сокровищ:*)

Дорогой Томас Манн,

к Вам, наиболее чуткому и совестливому из германских писателей, обращаюсь я с этим словом глубокого возмущения и негодования на то, что может случиться непоправимо позорное для Вашей родины, тяжкое и страшное — для моей. Обращаюсь с надеждой, что, узнав все и проверив Вашей совестью, Вы почувствуете «святое беспокойство», великую тревогу за человеческое, ту тревогу, которую еще недавно умел высоко ценить мир в творениях литературы, в частности — в творениях русского и германского гения и сердца. Обращаюсь во имя великих наших Учителей, имена которых еще и в наше время для нас священны.

Дело идет о постыднейшем, против чего давно бы должен восстать весь культурный мир, и что не тревожит совести этого «всего мира». Дело идет о бесчестии, которое падет на весь германский народ, если от его имени не раздастся властный и сдерживающий голос.

Выразитель духа Вашего народа, как ответственный писатель, как представитель чести и совести народа, Вы, я верю, не можете допустить спокойно, чтобы Ваша страна стала поприщем, — сильнее сказать, разбойничьим майданом, где без зазрения совести и громогласно могут распродаваться ценнейшие из сокровищ, собранные веками и силами России, украденные у нее насильниками и воровски доставленные на германский «рынок»! На глазах всего мира Германию хотят сделать местом распродажи украденного у целого народа духовного богатства, укрывательницей награбленного, попутчицей разбою, посредником грабителей и воров.

Страна Гете и Шиллера, страна великих мыслителей, великих правоведов, ученых, художников, моралистов... — эта страна в наше сомнительное время как бы готова показать всему свету, что она разрывает с ними, что она отвергает право, отрицает честь, принимает легко — бесчестие.

Узнайте дело — и Вы не допустите постыдства: я знаю это. Вы — чуткий, Вы за право Правды. Вы можете не позволить, Вы можете властно сказать «нельзя»! И Вас услышат.

Что случилось? Я не буду говорить от себя. Я приведу слова благороднейшего немца, только что напечатанные в русской газете «Возрождение», в Париже, — слова из телеграммы крупного германского промышленника, Артура Геннига, отправленной г. президенту Гинденбургу:

«6 и 7 ноября у Лепке в Берлине состоится распродажа принадлежащих всему русскому народу невозстановимых художественных со-

---

*) В 20-е годы, по решению советского правительства, за границей было продано много картин и драгоценностей из Эрмитажа и других национальных сокровищниц. (Ред.)

кровищ. Правительства других культурных государств поступили разумно, отклонили предложения об устройстве в их странах такого расхищения русского национального имущества, расхищения, глубоко оскорбляющего всю национальную Россию. Германии суждено на глазах всего цивилизованного мира принять на себя такое поругание. Все мыслящие немцы должны самым резким образом протестовать против таких действий, вследствие чего я прошу Вас, господин Президент, принять все зависящие меры к тому, чтобы запретить позорящие весь германский народ действия».

Мне нечего и добавить к этим словам. Помогите же остановить падение чести в мире. Кому же и охранять честь и правду, как не писателям, выразителям мировой совести, — так мы, русские, по крайней мере, полагали до сего дня. И кому же удержать родину от позора перед человечеством, как не выразителям ее духа, ее славным писателям, и из них — Вам, одному из славнейших... Вы хорошо знаете и чтите великих наших Достоевского и Толстого, о них Вы много писали и рассказывали Европе, и Вы можете знать, можете представить себе, что бы они теперь сказали, если бы могли еще говорить! Впрочем, они уже давно сказали, и так ярко и властно сказали о чести и бесчестии, о зле и добре, о праве и неправде, что повторять излишне.

Скажите же, прикажите же, дорогой Томас Манн — и Вас услышат в Германии. Услышат и в целом мире, — а это очень теперь не лишне. Скажите громко и властно, и Ваш голос останется в нашем сердце, как голос чести, как голос долга, как знамение великой духовной связи между народами.

С дружеским приветом и искренним уважением к Вам

Ив. Шмелев.

Октябрь, 1928 г.

Ланды.

Томас Манн ответил следующим письмом:

Дорогой и сердечно уважаемый Иван Шмелев!

Я только что вернулся из поездки — серия лекций, — в которую должен был отправиться как раз в момент получения от Кэте Розенберг Вашего «открытого письма», в котором Вы так выразительно высказываетесь о только-что прошедшем аукционе предметов русского искусства у Лепке в Берлине. Этот Ваш столь сильный призыв меня тогда очень задел, но что я мог сделать? Это было накануне аукциона, воспрепятствовать ему посредством моего выступления в печати практически было безнадежно. Кроме того, в тот момент у меня совершенно отсутствовало ясное понимание всего дела, которое позволило бы мне поднять мой голос, не говоря уже о том, что во время очень утомительной и расписанной по часам лекционной поездки я не имел даже и физической возможности ничего написать. Аукцион произошел и по факту объявить, что теперь, зная в чем дело, мне, как немцу, за него стыдно, было бы делом напрасным. Какая бессмыслица и какое не-

---

приличное отсутствие логики с обеих сторон! Коммунистическая Россия продает национализированные ценности иностранному капиталу, Германия, где понятие частной собственности еще очень священо, позволяет у себя, несмотря на это, продавать отобранные у собственников ценности. Что Вы хотите: *Les affaires sont affaires*, это положение выше всего отвратительно, внедуховно, по ту сторону добра и зла...

Всего Вам доброго, мы с женой желаем Вам здоровья и плодотворной работы и часто с радостью и благодарностью вспоминаем нашу встречу с Вами.

Сердечно преданный Вам
Томас Манн.

14 ноября 1929 года Томас Манн сердечно поблагодарил И. С. Шмелева за поздравление по случаю присуждения ему Нобелевской премии.

Привожу отрывок письма Томаса Манна от 4 января 1931 года в ответ на посылку И. С. Шмелевым своей книги «Любовь в Крыму» (под этим заголовком вышла в Германии повесть «Под горами»):

«Сердечно благодарю Вас за милую память и выражающий ее подарок. Восторг, который я чувствовал, читая Ваш рассказ, воскресил во мне старые дни: был этот восторг тот же самый, с которым я читал двадцать лет тому назад впервые Тургенева, — даже в том же самом внешнем виде и в том же издательстве «Реклама», явилась тогда передо мной «Первая любовь» и «Весенние волны», но «Любовь в Крыму» пробуждает воспоминание не только своим мастерством, не только русским характером этого мастерства, но и другими, более интимными качествами. Какая красивая, чистая и пестрая, живо-жизненная картина души, природы и света; с какими же чувствами Вы должны теперь читать это! Ваша надпись на это намекает».

Копия ответа И. С. Шмелева на это письмо сохранилась, а оригинал, как и всех других писем к Томасу Манну, погиб в Германии во время войны.

9 rue de Rossignol Sévres

12 января 1931 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Томас Манн,

у меня нет слов выразить Вам чувства радости и признательности, которые испытал я, всматриваясь в чудесные строчки Вашего письма ко мне. Добрая Кэте Розенберг облегчила мне возможность разобрат тонкую Вашу «готтику», без слов говорящую об изысканности и глубине духа Вашего. Простите, что я русским моим письмом ставлю Вас в затруднение, но милая Екатерина Германовна переведет Вам то, что я никак не сумел бы передать Вам на языке для меня чужом. Свое я могу говорить только по-своему.

Вы сделали меня счастливым. Это вторичное Ваше «посещение», та-

---

кое же незабвенное, как то, далекое, в пасмурный день январский в Париже. Я глубоко рад, что моя книжечка о прекрасном Крыме вызвала в Вас чувства, когда-то, давно пережитые Вами при чтении благоуханных творений «певца любви», — нашего славного Тургенева. Это для меня честь, и ею обязан я Вам, певцу страдания и любви, и всем великим, учившим творить прекрасное.

Светлые чувства вызвала в Вас моя маленькая «Любовь в Крыму», — в Вас, одном из сильнейших в чудном искусстве Слова. Через это еще и еще ясней вскрывается для меня та сила-чудо, что именуется глухо — художественное слово. Воистину, искусство объединяет мир, открывает и миру, как он прекрасен и как он страшен, как он и высок, и низок, и свят, и грешен. Наше искусство «искушает» человека, манит, чарует снами, вызывает восторг перед возможным и недостижимым, трепет перед падением, надежду на возрождение. Мы творим, и творя показываем людям наш мир, нашей душой очищенный, — мир мечты. Какое высокое и какое ответственное призвание!

Я рад, что Вы, тонкий, глубокий мастер, всегда так бережно выбирающий материал, работаете теперь над новым материалом, огромным, древним, библейски-мифологическим. Сколько цветов чудесных расцвело в далеком прошлом! Собраны и засушены они. Да. Но сколько же меду в них. Вы отыщете этот древний благоуханный мед, золотистой и пряный, — и целебный! Найдете и подадите миру прекрасное, человеческое, вечное, овеянное дуновением Божества. «Иосиф в Египте»?.. Лучшего и найти нельзя по драматизму, извивам чувств, по нежному лиризму, по высокой любви к родному. Дай Бог Вам силы его увенчать победоносно!

Вы пишете о Гете. Новая о нем книга, которую Вы напишете, — а вы напишете — без сомнения достойно, будет как раз по времени.

Трудно время наше, темное, а поминки по Светлом возносят дух. В шаткое ныне время, когда лучшие чувства меркнут, будем освещаться вечным, отыскивать в светлом детстве забытые радости, учиться дышать восторгом. Мир скучает, — слишком он стал «умен», — мир звереет, мир забывает о Любви. Мир разучился радоваться... «Герман и Доротея», «Страдания юного Вертера»... Это не «сантименты»: это — забытое, это — прекрасное, светлое чувство человека. Душа мира отравлена «вещами», «умом земным», как бы «обмефистофелилась», обыкла все разлагать и тлеть, исказить и осмеивать. Да, дерзания... Но это — ничтожное дерзание и — трусость: верить тому и в то, что могу постигнуть умом. Грошевое дерзание! Добровольное — и пошленькое — рабство. Выше всего поставить... человека. Этим-то и удовлетвориться?! Ну, не велико поле. И незаметно снижаемся, чтобы дойти до... зверя! Мир как будто «обмефистофелился». Выучился творить соблазны и продавать душу призракам. Мир растерян, и в отчаянии готов ценнейшее отдавать за мираж-случайность, злобным умом подсу-

---

тый. Чудесный, уносящий душу лиризм иссяк. О Боге — ныне смешно и думать: сами — боги! И только избранные еще тоскуют, еще взывают. Ныне особенно труден долг подлинного писателя: вести на «священную дорогу». Эта дорога — Божья, — в душе писателя. Он ее чувствует совестью и Божьим даром. И хранит в тайниках души до пылающего мгновения творчества. И кому же, дорогой Томас Манн, как не Вам, столь ответственному перед «души велением», — писать о Гете?! Я мечтал бы, с трепетом, писать о нашем Пушкине. И доказал бы, не взирая на множество книг о нем, что «велению Божью» был он послушен. Пушкин был не только поэтом: он был пророком, как и Достоевский. И Гете, всеобщий Гете, — был и есть, — пророк. И его «Фауста» особенно страшно читать ныне. Это — давнее откровение, разлитое в народах, гением собранное: «постигни». Вот и Пушкин: не даром Достоевский свою речь на открытии памятника Пушкину закончил «Пророком» Пушкина:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился...

В этом «Пророке», что ни слово — заповедь писателю, его скрижаль.

Вы напишете о Гете. Скажете свое, новое. И как я был бы счастлив, если бы суждено было мне прочесть Ваше о Гете, хотя бы в прекрасном переводе на наш язык.

Еще раз благодарю Вас, дорогой Томас Манн, за ласку, которой Вы осветили мою душу. Спасибо Вам, крепкое русское спасибо! «Спасибо» значит спаси Вас Бог. Желаю Вам здоровья, благоденствия, «лета Господня благоприятного», как поется в молитве на Новый Год, — у меня под этим заглавием должны бы выйти две книги, когда закончу свои «праздники», из которых написал уже двадцать очерков, — и сил духовных.

Благоволите передать почтительнейший привет мой и низкий поклон, с пожеланием светлых дней, глубокочтимой супруге Вашей,

Крепко жму Вашу руку

И. Шмелев.

Последнее письмо Томаса Манна относится к рассказу И. С. Шмелева «На пеньках»:

Мюнхен, 13.XI.32.

Глубокоуважаемый г. Шмелев.

Вы меня обрадовали в высшей степени и оказали большую честь тем, что прислали мне немецкое издание Вашего последнего произведения. Сердечно благодарю Вас и позволяю себе сказать Вам, что чтение этого произведения меня полностью укрепило в моем восхищении перед силой Вашего художественного таланта и тонкостью Вашего дарования, и мое восхищение перед Вами еще больше возросло.

Я все еще нахожусь под впечатлением Вашего произведения, будучи потрясен теми страданиями и той тоской об ушедшем мире, которы-

---

ми полны Ваши произведения, и которые звучат повсюду в Вашей книге, о том мире, который является для Вас глубоко человеческим, и оказался затертым бесчеловечными силами.

Я в качестве нерусского человека, который хотя много обязан русскому творчеству, но по своей душевной «формации» принадлежит скорее к Западной Европе, не могу и не имею права иметь суждение по поводу нынешней России и того громадного социального опыта, который эта страна предприняла. Время покажет, или опровергнет, жизнеспособность и право на будущее этого нового общественного и государственного строя. Мы должны также посмотреть, каковы будут те культурные, художественные и поэтические достижения, которые создаст этот новый мир.

Во всяком случае одно несомненно, что те человеческие и духовные страдания, которые принес с собой этот новый строй, имеют полное право найти свое отражение в искусстве.

Уже в Вашем «Солнце мертвых», и в Ваших последующих произведениях, мы всегда будем находить истинное и потрясающее отражение этих страданий. Это — большая слава, быть может мрачная, скажут люди; но эта слава освещена счастьем Вашей первой половины жизни, и память об этом счастье будет всегда достаточно сильна, чтобы «осветить» изнутри, как Вы об этом рассказали в Вашем прекрасном рассказе.

Дорогой г. Шмелев, я не видел Вас больше после нашего парижского свидания, но время от времени я слышу о Вас через кухню моей жены, Кэте Розенберг; то мужество и та непоколебимая продуктивность в Вашей работе, с которой Вы несете Ваш крест — Вашу судьбу, занимают мое внимание и вызывают чувство большой симпатии и глубокого уважения к Вам.

Моя жена и я шлем Вам сердечные пожелания всего хорошего, желаем Вам доброго здоровья и радости творчества, и надеемся Вас скоро лично увидеть. Очень возможно, что наш путь приведет нас в этом году в Париж. Было бы очень приятно, если бы и вы были в это время в Париже.

Примите уверение в моем глубоком уважении к Вам

Ваш Томас Манн.